УДК: 93.99 (470.64) DOI: 10.25744/vestnik.2022.57.2.004

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 60–70-Е ГГ. XVIII В.: ИСТОРИОГРАФИЯ КОНФЛИКТА

© З.Ж. ГЛАШЕВА

Институт гуманитарных исследований – филиал КБНЦ РАН, г. Нальчик

Аннотация. *Начиная с конца XVIII в. Россия кардинально меняет свою политику на Кавказе. Именно с этого периода она в основном сосредоточила свои усилия на расширении южных границ и постепенной интеграции горских народов в состав империи. Изменения в российской политической линии привели к неизбежному столкновению интересов России и Кабарды. Исследование показало, что к последней четверти XVIII в. в военный конфликт на Центральном Кавказе были втянуты не только кабардинцы, но и закубанские черкесы, ногайцы и чеченцы. В отечественной историографии события 1778–1779 гг. рассматриваются как поворотный момент в русско-кабардинских отношениях и, несомненно, представляют научный интерес.*

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказ, Кабарда, Моздокская крепость, Азово-Моздокская линия, кабардинцы, закубанские черкесы, ногайцы, чеченцы.*

RUSSIAN-KABARDIAN RELATIONS IN THE 60–70-S XVIII CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE CONFLICT

© Z.ZH. GLASHEVA

The Institute for Humanitarian Research – branch
of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik

Abstract. *Since the end of the XVIII century. Russia is fundamentally changing its policy in the Caucasus. It was from this period that she mainly focused her efforts on expanding the southern borders and the gradual integration of the mountain peoples into the empire. Changes in the Russian political line led to an inevitable clash of interests between Russia and Kabarda. The study showed that by the last quarter of the XVIII century. not only the Kabardians, but also the Trans-Kuban Circassians, Nogais and Chechens were drawn into the military conflict in the Central Caucasus. In Russian historiography, the events of 1778–1779 are considered as a turning point in Russian-Kabardian relations and are undoubtedly of scientific interest.*

Key words: *Russian Empire, Caucasus, Kabarda, Mozdok fortress, Azov-Mozdok line, Kabardians, Trans-Kuban Circassians, Nogais, Chechens.*

Формат цитирования: Глашева З.Ж. Русско-кабардинские отношения в 60–70-е гг. XVIII в.: историография конфликта // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2022. № 2 (57). С. 27–34. DOI: 10.25744/vestnik.2022.57.2.004.

Волнения среди кабардинцев начались в 1777 г., особой силы и напряжения они достигли к 1779 г. Характеризуя начало военных действий, В.А. Потто писал: «Сначала военныя действия горцев носили характер мелких нападений на одиночных людей или на небольшия команды; они, очевидно, еще не сознавали значения вновь возводимой линии и только тогда, когда убедились, что здесь идет не постройка редутов, а предпринимается целая система заселения края, грозящая их самобытности, они дали клятву уничтожить новую линию, хотя бы ценою тысячи жизней и целыми потоками крови. Горцы превосходно понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием ея, т.е. заселением. Укрепление, говорили они, “это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу застилает и схватывает все поле”» [1, с. 136].

В.А. Потто также отмечал: «Никогда еще набеги на линию не принимали такого большого размера и никогда еще враги не действовали с такой энергией и силой, как в эти первые два года,

после заложения Моздокско-Азовской линии» [2, с. 95]. Оказавшись оттиснутым от значительной части своих земель, население Кабарды выразило открытое недовольство. В январе 1778 г. кабардинские князья предприняли нападение на крепости Линии. По этому поводу П.Г. Бутков отмечал в декабре 1778 г., «кабардинцы паки покусились на новые крепости, и при р. Малке войсками нашими быв удержаны, в такое приведены положение, что в верности России возобновили присягу, и первых фамилий владельцы взаимно между собою опоручились, или взаимными клятвами обязались друг за друга, в точном исполнении оной; но сложили оружие против воли, а помышляли только о получении времени приготовиться к новым подвигам, и в скрытом намерении усилить себя союзом с закубанцами и другими горцами, потому, что черный народ кабардинский слабое принимал участие в предприятиях владельцов» [3, с. 52].

После небольшого перерыва в декабре 1778 г. кабардинские князья вновь потребовали от российских властей уничтожения всех пограничных укреплений. Ситуация в Кабарде настолько обострилась, что кабардинские князья обсуждали приглашение грузинского царя Ираклия II переехать в Грузию. По свидетельству П.Г. Буткова: «Царь грузинский Ираклий II желал воспользоваться недоверчивостью к России кабардинских владельцев, и в декабре 1778 г. писал через нарочных к некоторым владельцам обоих Кабард, приглашая их на переселение в Грузию и обещая им хорошие места и долины, к имеретинским и ахалцихским границам лежащие» [4, с. 91]. Ираклий II хотел воспользоваться воинственностью кабардинцев для защиты своих южных границ. Кавказская администрация, встревоженная этим обстоятельством, сообщала в Санкт-Петербург: «Вся Кабарда со всеми своими подвластными холопами намеревается перекочевать в Грузию» [5, л. 14–15; 6, л. 7]. В.А. Потто отмечал, что И.В. Якоби, «воспротивился этому переселению, так легко, по-видимому, разрешавшему вопрос о безопасности нашей границы, – неизвестно; но агенты царя Ираклия были арестованы, и кабардинцы были вынуждены остаться на своих местах» [1, с. 136–137]. И.В. Якоби вынудил кабардинских князей дать заложников (аманатов) и принести новую присягу на верность. Эти меры не привели к снятию напряженности в отношениях, но дали передышку. Как отмечал В.А. Потто: «Неудовольствие однако же тлело и, вспыхнув весною 1779 г., разразилось над Линией страшной бурею» [1, с. 136–137].

29 марта 1779 г. на съезде кабардинские владельцы договорились, что если Россия откажется снести крепости, они начнут военные действия. Большинство владельцев было решительно настроено защищать свои территории. Валий (пщышхуэ) Жанхот Татарханов пытался предотвратить войну, уговаривал князей не сопротивляться России [7, с. 273], считая, что у них не хватит сил противостоять ей. На съезде предводителем кабардинских войск был избран князь Мисост Боматов. В соответствии с традициями, «в военное время старший князь Кабарды автоматически становился главнокомандующим войсками – дзэпщ. В тех случаях, когда он не мог командовать (чаще всего по возрасту или состоянию здоровья), дзэпщ выбирался с учетом личных качеств из числа других князей. По окончании компании он слагал свои полномочия» [8, с. 60]. Мисост Боматов возглавил один из трех отрядов, два других возглавили князья Хамурза Кайтукин и Карамурза Мисостов [8, с. 60].

Активные военные действия начались весной 1779 г., когда, по сведениям П.Г. Буткова, «кабардинцы обеих Кабард соединились с закубанскими черкесами, бесленеями и темиргоями, переправились через р. Малку, и в семи верстах от Марьинской крепости, на р. Золке расположились; грозно требовали срытия в глазах их укреплений, кроме одного Екатеринограда» [3, с. 52]. Горцы также стремились пресечь сообщение Марьинской крепости с Екатериноградской, «посланными от себя сильными партиями для подбегов под все новыя крепости убили 85 человек, отогнали до 5 тысяч рогатого скота» [3, с. 52]. Затем напали на Андреевскую крепость, в ней подкупленный ими армянин устроил пожар, когда они к ней приближались. Нападение застало Линию врасплох, войска которой были разбиты на части и распределены по крепостям.

Командующий Кавказским корпусом генерал-майор И.В. Якоби в это время стоял у Павловской крепости. Имея при себе не больше двух тысяч человек, он не мог разделить войска для преследования неприятелей. И.В. Якоби не предпринимал никаких действий, дожидаясь прибытия Томского пехотного полка и калмыков. В ожидании прибытия Ф.И. Фабрициана с подкреплением он ограничился тем, что вызвал с Терской линии гребенских и семейных казаков, а за калмыками на Куму послал гонцов. Моздокскому полку, как ближайшему к театру военных действий, приказано было стоять в полной боевой готовности, на случай, если бы кабардинские отряды напали на его станицы. В целях устрашения И.В. Якоби от-

дал распоряжения «всех находившихся в Кизляре кабардинцев посадить в острог и употреблять в тяжкие работы, взрослых же аманатов заклепать в кандалы, чтоб чувствовали предерзость своих отцов» [1, с. 137], впоследствии они были отправлены в Астрахань и посажены в казематы.

Пока И.В. Якоби стягивал войска, горцы продолжали нападения на Линию. П.Г. Бутков отмечал, «Закубанские черкесы темиргои и бесленеи в количестве 1500 человек под предводительством Чулак-Султана напали на Ставропольскую крепость» [3, с. 53]. В.А. Потто в свою очередь приводит иные цифры: «три тысячи черкесов под предводительством Дулак-Султана (Чулак-Султан. – З.Г.), перейдя Кубань, внезапно бросились на русские крепости. Бой, так сказать, загорелся разом по всему протяжению Моздокской линии. Но горцы ошиблись, предполагая найти в новых переселенцах людей, не приготовленных к военному делу; казаки везде защищались мужественно, и стойкость их превзошла самую отчаянную отвагу нападающих» [1, с. 137]. Горцы убили 20 казаков, сами лишились 30 человек, отогнали 240 лошадей [3, с. 53]. Здесь и далее будут приводиться данные о потерях, приведенные дореволюционными авторами, поскольку горцы не имели письменных источников и не вели статистику потерь.

После Ставропольской крепости кабардинцы начали штурм Алексеевского редута, расположенного между крепостями Северная и Ставрополь. Они убили 3 казаков, захватили табун из Донского полка Устинова. Окружив со всех сторон укрепления, горцы начали подготовку к штурму, из ворот редута вышла Хоперская сотня с есаулом Михеевым. Она была окружена черкесами, потеряв убитыми 18 казаков, была отброшена в лес и продолжала защищаться. После перестрелки горцы вынуждены были переключиться на укрепление, ворвались в форштадт, убили несколько жителей, но не смогли взять редут и отступили с большими потерями [1, с. 138]. Чеченцы в это время у станицы Калиновской Моздокского казачьего полка захватили несколько людей и ограбили товары. Основные силы кабардинцев в количестве шести тысяч человек 5 июня, разделившись на три отряда, начали военные действия. Первый отряд нанес удар по гребенским и семейным казакам и калмыкам, шедшим на соединение с И.В. Якоби, второй нанес удар по лагерю И.В. Якоби, а третий начал штурмовать Павловскую крепость [3, с. 53]. По сведениям П.Г. Буткова, горцы повсюду были отбиты, потеряв убитыми 120 человек, были вынуждены отступить.

Через три дня горцы снова напали на Марьинскую крепость, расположенную в 12 верстах от Павловской крепости, ее охраняли 224 человека под командой капитана Баса. Расположившись у крепости, они стали ждать подкрепление от закубанских черкесов, чеченцев и других горских народов. Горцы ночью 9 июня начали с двух сторон копать траншеи и вести их к рву Марьинской крепости, когда одна часть, как пишет П.Г. Бутков, «в работе упражнялась, другая прикрывая ее производила пальбу так, что из крепости редко уже выстрелы вредили; иные же ночною темнотою (воспользовавшись. – З.Г.) впалзывали почти к самому крепостному рву. В таком положении держали они крепость без малого двое суток» [3, с. 54]. К осажденной Марьинской крепости из Павловской выступил корпус И.В. Якоби. 10 июня между сторонами произошел упорный бой, длившийся 6 часов. П.Г. Бутков, освещая это событие, пишет: «Скопище их простиралось по крайней мере до 15 тысяч человек. Убито у них из владельцев и узденей до 50, прочих до 500, у нас убито 8, ранено 34» [3, с. 55]. За тем последовал месяц продолжительной тишины, в это время И.В. Якоби стоял с войсками при Павловской крепости.

По свидетельству В.А. Потто, разбитые под Марьинскою крепостью, «кабардинцы тотчас же пустили в ход все извороты и тонкости азиатской политики, чтобы добиться своих затаенных целей иными путями. Они обязались выдать аманатов, предлагали двойное вознаграждение за нанесенные убытки, но упорно настаивали на том, чтобы крепости были уничтожены» [1, с. 139]. Эти же сведения подтвердил и П.Г. Бутков, отмечавший: «Кабардинцы просили прощения, обещая возвратить убытки вдвое, только бы крепости Павловская, Марьинская и Георгиевская были уничтожены, тем убедительнее, что занятием сего пространства земли многочисленные стада их содержались в пределах их жилищ в крайней тесноте, потому что, хотя кабардинцы к стороне Кубани и имеют много земли, впусте лежащей, но по гористости не можно пасти там скот зимой, на которую они обыкновенно сена не заготовляют» [3, с. 55].

Горцы на все свои требования получали категорический отказ. 17 июля отряд из пяти тысяч кабардинцев напал на Георгиевскую крепость, сжег весь хлеб, уничтожил сенокосы, угнал скот и ушел, потеряв 27 человек. Горцы придерживались тактики пресечения сообщения между крепостями Линии, опустошения и сжигания полей и сенокосов.

В конце августа три тысячи кабардинцев атаковали егерский батальон, «препровождавший провиантский транспорт из Царицына на Линию; но были отражены с потерею до 600 человек убитыми и ранеными» [3, с. 56]. 27 сентября одна тысяча кабардинцев напала на отряд из 80 человек, прикрывающих перевоз сена, убила одного офицера и 41 человек нижних чинов и отбили пушку. По этому поводу В.А. Потто отметил, «по всей вероятности, они напали на него врасплох, так как только этим и можно объяснить себе последовавшую затем резню, в которой офицер и сорок нижних чинов были изрублены, а остальные бежали, оставив пушку в руках кабардинцев» [1, с. 139].

В конце сентября на Линию прибыли новые войска – Томский, Ладожский и Селенгинский пехотные полки под командой генерал-майора Ф.И. Фабрициана. Располагая теперь значительными силами, И.В. Якоби вызвал с Линии еще Моздокский казачий полк и решил перейти в наступление. Решающее сражение состоялось 29 сентября 1779 г. Лагерь русских войск под командованием генерал-майора И.В. Якоби стоял при р. Куре, ниже крепости Святого Павла, кабардинские войска стояли в 12 верстах на правом берегу р. Малки. «Кабардинское войско, насчитывавшее около одной тысячи человек, состояло из князей и дворян» [3, с. 56; 1, с. 139–140].

И.В. Якоби с частью войск подступил к главному кабардинскому стану, расположенному на одном из островов, образуемых Малкой. В то же время генерал Ф.И. Фабрициан с остальными войсками, «двигаясь кружным путем, обошел его с тыла, а Моздокский казачий полк и 10 эскадронов Владимирских драгун отрезали путь отступления к югу» [3, с. 56; 1, с. 139–140]. Ф.И. Фабрициан, сумевший зайти в тыл кабардинского войска, атаковал его с трех сторон, а с четвертой перешел в наступление И.В. Якоби. Окруженное со всех сторон кабардинское войско на предложение сдаться отвечало ружейным огнем. Российские войска начали атаку, гребенские и терские казаки находились в колонне И.В. Якоби, а донцы и калмыки в колонне Ф.И. Фабрициана. Упорная битва длилась пять часов, пушка, захваченная кабардинцами, была отбита обратно. Кабардинский отряд был уничтожен артиллерийским огнем. По свидетельству В.А. Потто, «лагерь взят приступом и все, что было на острове, за невозможностью бежать, легло под штыками солдат и шашками казаков» [1, с. 139–140]. П.Г. Бутков писал, «будучи в осаде (кабардинцы. – З.Г.) 5 часов выдержали огонь со всех сторон, и так остервенели, что никак не сдались, и Фабрициан принужден был принять их на штыки и вырезать без остатку, чем и кончилось сражение. Не многие уйти успели. Тут были одни князья и уздени… У нас убито 16, ранено 34; их убито до 300 молодых князей и дворян» [3, с. 56–57]. Превосходство русских войск над объединенным горским было не только в численности, но и в организационно-техническом отношении, в вооружении, наличии артиллерии и других атрибутов, присущих частям регулярной армии. Подавляющим превосходство русских стало тогда, когда генерал-майор Ф.И. Фабрициан прибыл на Линию с большим подкреплением.

В этой войне погибла значительная часть политической элиты Кабарды, после чего она больше не смогла оправиться и занять прежнее свое положение. Мужество кабардинских воинов народ воспел в песнях и до сих пор хранит в преданиях [9, с. 191–210]. З.М. Налоев в статье «Песни Большого ночного нападения» установил высокую степень достоверности и соответствие фольклорного материала реальным историческим событиям 1779 г. в Кабарде [10, с. 100–116]. Характеризуя российскую политику на Кавказе, З.М. Налоев отметил: «Осуществляя политику вытеснения Персии и Турции с Кавказа и постепенной военно-казачьей колонизации его, царское правительство в период своего военного и дипломатического превосходства над соперниками строило системы крепостей на занятых землях горцев. Кабардинцы, не имевшие ни артиллерии, ни опыта штурма крепостей, оказывались бессильны перед ними. Такие укрепления, как Моздок, Марьинское, Ставропольское, Георгиевское, Андреевское, Павловское и другие, входившие в Азово-Кизлярскую линию крепостей (кордон), вызывали большие неудобства для Кабарды, отрезая ее от лучших зимних пастбищ и пахотных земель. Для кабардинцев (балкарцев и осетин тоже), в хозяйстве которых ведущую роль играло животноводство, зимние Курейские пастбища имели жизненно важное значение. На просьбы кабардинских князей срыть эти крепости царское правительство отвечало строительством новых крепостей» [10, с. 103–104].

В военных действиях со стороны кабардинцев участвовали только князья и дворяне. Широкие слои населения не принимали участие в войне. П.Г. Бутков, не объясняя причин, писал следующее: «вооруженный черный народ, находившийся в 6 верстах от туда (Малки. – З.Г.), который и бежал» [3, с. 56–57], не придя им на помощь. Нельзя не согласиться с Ж.А. Калмыковым, пришедшим к выводу, что они не пришли на помощь по двум причинам: «Во-первых, этого не допустили бы русские войска. Во-вторых, собы-

тия были настолько скоротечными, что пешие отряды никак не могли подоспеть за столь короткое время к месту сражения» [8, с. 62–63].

И.В. Якоби в рапорте Г.А. Потемкину от 9 декабря 1779 г. отмечал: «Кабардинцы, пришедшие опять в колебание, начали производить по Линии дерзости, захватывая проезжающих и отгоняя скот в наших границах. Почему генерал-майор Якоби сделал на Большую Кабарду поиск, в течение которого в разных сражениях, по собственному их признанию, потеряли они до 3 тысяч человек, в том числе лучших людей и князей их. Будучи таким образом принуждены силой оружия, прислали они просить прощения; но и при сем случае, однако ж, в письме своем объявили, что с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а находясь так, как кунаки (гости или приятели), в покровительстве, что и ныне желают покориться на тех же условиях» [11, с. 88]. 28 ноября генерал-майор И.В. Якоби «вследствие такого неожиданного их отзыва… вступил опять с войсками в пределы кабардинские» [4, с. 91]. После поражения, по мнению В.Х. Кажарова, «кабардинцы, тем не менее, не хотели идти на безоговорочную капитуляцию. Они по-прежнему стремились строить свои отношения с Россией в рамках феодального договора» [12, с. 243].

Русские войска были ведены в Кабарду двумя отрядами. Поход в Большую Кабарду возглавил генерал И.В. Якоби, а в Малую – полковник Савельев [4, с. 91]. В итоге сопротивление кабардинцев было сломлено. В силу полной невозможности дальнейшего сопротивления кабардинцы, потерявшие в военных событиях 1779 г. до 3 тысяч человек, причем исключительно князей и дворян, вынуждены были просить мира и принять его тяжелые условия [13, с. 149]. В начале декабря 1779 г. И.В. Якоби и Ф.И. Фабрициан рапортовали, что Большая и Малая Кабарда приведены к повиновению.

Поражение Кабарды в войне 1779 г. и декабрьские присяги 1779 г. Большой и Малой Кабарды и «черного народа» [14, л. 7–11, 16–21, 38–42об.] ознаменовали совершенно новый этап в истории русско-кабардинских отношений. По мнению В.Х. Кажарова, «если в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кабарда лишь номинально вошла в состав России, а строительство Азово-Моздокской линии в полной мере обозначило экспансионистские цели последней, то поражение кабардинцев от войск И.В. Якоби и Ф.И. Фабрициана знаменовало следующий, очень важный этап ограничения их политической самостоятельности» [15, с. 725], гарантированной Екатериной II в ее рескрипте И.Ф. де Медему от 5 сентября 1774 г.: «по восстановлении мира с Портой кабардинцам сообщены от правительства списки с тех артикулов трактата, кои до них касаются, на российском и турецком языках» [16, с. 105].

Представители кабардинской политической элиты, вновь присягнувшие на подданство Российской империи, были вынуждены согласиться с территориальными потерями в результате строительства крепостей Линии. Границей устанавливалась для Большой Кабарды р. Малка, для Малой Кабарды – р. Терек [5, л. 25; 17, с. 84]. На левых берегах данных рек кабардинцы не должны были держать скот и заниматься земледелием, «потому что, если они прежде сими местами пользовались, то единственно по позволению российского начальства, какого снисхождения кабардинцы поведением своим теперь сделались недостойными», – писал по этому поводу П.Г. Бутков [16, с. 180]. При этом необходимо учитывать, что устанавливаемое по этой присяге «подданство» не сводилось, как раньше, к признанию кабардинскими князьями покровительства или сюзеренитета русского царя, а носило во многом прямой, односторонний и безусловный характер, присущий взаимоотношениям центральной власти и подданных в деспотических государствах [12, с. 244].

После поражения кабардинская политическая элита обязывалась исполнять все распоряжения российского правительства, осведомлять его о «злоумышлениях», сообщать ему о намерениях и действиях антироссийски настроенных князей, их «за своих собратий не почитать» [12, с. 179–180].

В результате поражения Кабарда утрачивала право не только вести самостоятельную внешнюю политику по отношению к таким государствам, как Российская и Османская империи, но и самостоятельно устанавливать какие-либо связи с соседними горскими народами. По этому поводу П.Г. Бутков отмечал: «С кубанцами вообще и с поколениями, тамо обитающими, порознь не должны входить ни в совещания, ни в защищение их; да и не пускаться в воровские промыслы ни к ним, ни к другим народам, довольствуясь собственностию. Малой Кабарде все то исполнять в отношении чеченцев» [12, с. 181].

Присяги в значительной степени ограничивали прежнюю власть владельцев над крестьянами, им официально было разрешено прибегать к защите России. Если крестьяне считали, что владельцы взимают чрезмерные налоги. В сущности, этой мерой российские власти вме-

шивались в социальные отношения в Кабарде, тем самым подрывали основы феодально-крепостнического строя. Они преследовали чисто политические цели и пытались дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Кабарде, чтобы ослабить возможности ее военного сопротивления. Присяги и обязательство, наложенные на кабардинских князей и дворян, а также условие не препятствовать «черному народу» принимать христианство, не притеснять осетин и ингушей, а также «объявлять вольными» тех крестьян, владельцы которых обвинялись в измене русскому правительству, дезинтегрировали кабардинское общество. Девятый пункт обязательства регулировал отношения между кабардинскими владельцами и их подвластными, в значительной степени отменяя соответствующие статьи Грамоты 1771 г. Екатерины II. Политика, направленная на поощрение в Кабарде двух одинаково ослабляющих друг друга партий (баксанской и кашкатавской), была переориентирована. Теперь поддерживалось противостояние знати и крестьянства. В.Х. Кажаров отметил, что поддержка «раздоров между господствующим классом и крестьянством теперь была узаконена в качестве одного из мощных рычагов воздействия на строптивых кабардинских князей, не говоря уже о долговременных последствиях такой политики, которая основательно разрушала единство кабардинского общества, делая его беззащитным в случае вторжения русских войск. Россия уже не считала нужным скрывать, что ее вмешательство во взаимоотношения кабардинских князей и дворян с крестьянами и народами Центрального Предкавказья преследует главную цель – «внести ссору и смуту» между ними» [12, с. 245].

Кабардинцы были наказаны в соответствии с присягой 1779 г., предусматривавшей объявление их вне закона и предоставление свободы их крепостным. На этот раз речь шла не только о присяге со стороны кабардинцев, как это бывало прежде. Генерал И.В. Якоби вынудил кабардинцев по обязательству выплатить в порядке контрибуции 10000 рублей, выдать 2150 лошадей, 4759 голов крупного рогатого скота и 4539 овец [5, л. 25]. Согласно обязательству, кабардинцы должны были вернуть беглых русских солдат, им запрещалось пребывать в русских крепостях. Въезд на Линию им разрешался только по специальным билетам, выдаваемым назначенным в Кабарду приставом, при поручительстве старшего князя Кабарды Джанхота Татарханова. Им также запрещалось вступать в какие-либо отношения с закубанцами. Кабардинцы обязались не притеснять и не трогать осетин и других горцев, состоявших в российском подданстве, принявших христианство и переселяющихся в Моздок. Оговаривалось также, что, если владельцы уйдут в другие места, то крестьяне могли за ними не следовать и им не повиноваться. По обязательству на кабардинцев были возложены значительные выплаты. Граница между Кабардой и Россией была установлена: для Большой Кабарды по р. Малка, для Малой Кабарды по р. Терек.

В.Х. Кажаров, давая характеристику последствиям поражения, отмечал: «Установив контроль за действиями кабардинских князей и дворян, расколов общество на враждующие социальные группы и политические партии, провоцируя внутренние конфликты, всемерно ограничив связи Кабарды с внешним миром, приведя в упадок ее экономику захватом самых плодородных земель и лучших пастбищ, России оставалось сделать всего лишь один шаг для того, чтобы ввести в Кабарде прямое российское управление, и тем самым установить над ней полный военно-административный контроль» [15, с. 727].

Описывая обстановку внутри кабардинского общества, В.А. Потто писал: «Усмирение кабардинцев произведено было частию по вине и при помощи самих же кабардинцев, у которых в то время внутренний разлад дошел до высшей степени. Последнее возстание, имевшее целью остановить дальнейшее заселение русскими Кавказскаго края, было делом одного только высшего класса; народ же, недовольный своими князьями и дворянством, всегда его притеснявшими, решительно отказался участвовать в этих походах. Якоби искусно поддержал народ, и в его лице приобрел себе сильнейшего союзника противу замыслов гордой кабардинской аристократии. Неравная борьба длилась не долго. Княжеския партии вынуждены были смириться, а простой народ, не желая уже возвращаться к прежнему порядку вещей, тысячами стал переселяться в Моздок и в другия места по линии» [2, с. 98].

Нельзя не согласиться с С.Н. Бетугановым, который считает, что кабардинские князья Хамурза Кайтукин, Мисост (Боматов. – З.Г.) Атажукин и др., «холодным рассудком понимали, что им не уготована победа и, что очень вероятно, придется сложить свои головы. Но, будучи «невольниками чести», они и их соратники не могли примириться с потерей былой независимости: если уж не торжествовать победу, то по крайней мере не смириться с неволей» [18, с. 70–71].

Подводя итоги, хочу отметить, что русско-кабардинские отношения начали ухудшаться после закладки Моздокской крепости. После победы в 1779 г. российская политика в отношении

Кабарды кардинально изменилась. По данному вопросу А.С. Мирзоев отметил: «В отношении Кабарды, своего союзника на Центральном Кавказе, Россия переходит от политики протектората к практике прямых территориальных захватов и включения последней в состав империи с установлением российских административных порядков. До середины XVIII в. Кабарде удавалось сохранять свою фактическую независимость за счет лавирования между сталкивавшимися интересами двух империй. С ослаблением в регионе позиций Турции и Крымского ханства и усилением России политика последней в отношении Кабарды резко меняется и становится главной угрозой для ее независимости. Ликвидация суверенитета Кабарды и включение ее в состав Российской империи проходили в несколько этапов – покушение на территориальный суверенитет и постройка на ее землях русской военной крепости Моздок – было первым шагом в этом направлении. За ним последовали и другие меры: вмешательство во внутренние дела Кабарды с использованием обострившихся здесь межсословных противоречий, выведение из под зависимости кабардинских князей соседних народов, учреждение в 1793 в Моздоке Верхнего пограничного суда под председательством российского офицера, рассматривавшего уголовные дела по российским законам, введение должности пристава, запрет сбора дворянского ополчения и проведения сословно-представительских собраний Хасэ, дальнейшее отторжение кабардинских земель и строительство кордонных линий как по периметру, так и внутри Кабарды» [19, с. 157].

Ухудшению русско-кабардинских отношений, по мнению З.А. Кожева, «предшествовал длительный дипломатический конфликт вокруг основания в 1763 г. Моздокской крепости, расцененного в Кабарде как недружественный акт и русско-турецкая война 1768–1774 гг., по которой Кабарда была объявлена владением Российской империи» [20, с. 22]. В течение войны российское правительство попыталось уладить спорные вопросы во взаимоотношениях с Кабардой путем выдачи Грамоты Екатерины II от 17 августа 1771 г. Грамота, содержавшая «общие декларации и обещания покровительства при сохранении старых обычаев, но не содержала уступок по главным требованиям кабардинцев – снести Моздок, возведенный на территории Кабарды; не принимать в русских владениях беглых крестьян и т.д. Решительная победа над турками в ходе войны развязала имперскому правительству руки в отношении Кабарды. Полноценная демаркация имперской границы на Северном Кавказе в ходе закладки в 1777 г. крепостей и казачьих станиц Азово-Моздокской кордонной линии произошла за счет аннексии северных – степных территорий Кабарды», привела к военному конфликту [20, с. 22].

Поражение Кабарды в войне 1779 г. и декабрьские присяги Большой, Малой Кабарды и «черного народа» ознаменовали совершенно новый этап в истории русско-кабардинских отношений. В результате поражения Кабарда утрачивала право не только вести самостоятельную внешнюю политику по отношению к таким государствам, как Российская и Османская империи, но и самостоятельно устанавливать какие-либо связи с соседними горскими народами. Присяги в значительной степени ограничивали прежнюю власть владельцев над крестьянами, им официально было разрешено прибегать к защите России, если они считали, что их обременяют чрезмерными податями. В сущности, этой мерой российские власти вмешивались в социальные отношения в Кабарде, тем самым подрывая основы феодально-крепостнического строя. Они преследовали политические цели и пытались дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Кабарде, чтобы ослабить возможности ее военного сопротивления. Присяги и обязательство, наложенные на кабардинских князей и дворян, а также условие не препятствовать «черному народу» (крестьянству) принимать христианство, не притеснять осетин и ингушей, объявлять вольными тех крестьян, владельцы которых обвинялись в измене русскому правительству, дезинтегрировали кабардинское общество. Сокращение «землепользования кабардинцев, а также связанных с ними народов Центрального Кавказа делало невозможным традиционное отгонное скотоводство, и в первую очередь табунное коневодство – основу экономического благосостояния и военно-политического доминирования Кабарды в регионе» [20, с. 22].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что на протяжении веков кавказские народы были вовлечены в борьбу государств, прилегающих к региону (Иран, Турция и Россия), которые вели ожесточенную борьбу между собой за усиление своих позиций на Кавказе. Со второй половины XVI до первой половины XVIII в. в ирано-турецко-русском противостоянии в регионе преобладало ирано-турецкое влияние, сопровождавшееся войнами и периодическим переделом сфер влияния. Начиная со второй половины XVIII в. преимущество переходит к Российской империи, достигшей пика своего могущества. В то время как ее геополитические противники в регионе в силу социально-политического и экономического кри-

зиса пришли к военно-техническому отставанию. В ирано-турецко-русском военно-политическом противоборстве начиная с конца XVIII в. было полное преобладание России. В результате военного столкновения 1779 г. произошли события, которые кардинально изменили статус Кабарды. В исторической памяти адыгов оно известно под названием Семимесячной войны (Мазибл зауэ).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. Т. II. 247 с.
2. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887. Т. I. Вып. I. 724 с.
3. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. II. 601 с.
4. АКАК. Тифлис. 1866. Т. I. 816 с.
5. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 217.
6. РГАДА. Ф. 23. Кавказские дела. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1.
7. *Налоев З.М.* Из истории «Песни большого ночного нападения» // Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 652 с.
8. *Калмыков Ж.А.* К истории Семимесячной войны кабардинцев 1779 г. // Материалы международной научной конференции «Кавказская война: события, факты, уроки» (г. Нальчик, 15–19 октября 2014 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 57–69.
9. Адыгские песни времен Кавказской войны. Издание второе, дополненное. Нальчик: ООО Печатный двор, 2014. 622 с.
10. *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 100–116.
11. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Сборник документов. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.
12. *Кажаров В.Х.* Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х гг. XVIII века // Исторический вестник. 2006. Вып. IV. С. 206–254.
13. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
14. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. 1780 г. Оп. 2. Д. 1.
15. *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории этнографии адыгов. Нальчик: ООО Печатный двор, 2014. 904 с.
16. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Извлечения. Нальчик: Эль-фа, 2001. 358 с.
17. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик: Кабардинское государственное изд-во, 1948. 244 с.
18. *Бетуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик: Эльбрус, 1993. 302 с.
19. *Мирзоев А.С.* Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Материалы международной научной конференции «Кавказская война: события, факты, уроки» (г. Нальчик, 15–19 октября 2014 г.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. С. 133–164.
20. *Кожев А.З.* Кабардино-русские отношения в конце XVIII – начале XIX в.: модели инкорпорации в имперское пространство // Вестник КБИГИ. 2020. № 4–2. С. 21–29.

XVIII БIЕШЕРАН 60–70 Ш.Ш. ОЬРСИЙН-ГIЕБАРТАЙН ЙУЬКЪАМЕТТИГАН КОНФЛИКТАН ИСТОГРАФИ

© З.Ж ГЛАШЕВА

«ГIебарта-Балкхаройн России академин Iилманан центр» гуманитарни талламийн институт, Нальчик

Боцца чулацам. *XVIII бI. Йуьххьехь дуьйна Россис буххера дуьйна хийцира шен Кавказера политика. ХIетахь дIадолийра къилбехьара дозанаш шордар, цо кхоьллира Россин а, ГIебартан а дуьхьдуьхьаллаттар. Талламе гойту цу конфликта йукъа гIербартойа, ногIий а, нохчий а озийна хилар. Исторнографино 1775–1779 ш.ш оьрсийн-гIебартойн йукъаметтигаш ирйалар гойту.*

Коьрта дешнаш: *Оьрсийн импери, Кавказ, ГIебарта, Моздокан гIап, Азовн-Моздокан доза, гIебартой, чергазий, нохчий, ногIий.*